

**ДМИТРИЙ
КОРОВНИКОВ**

14

**КУРСАНТ
ЦИМТЕРИЦ**

Курсант Империи

Дмитрий Коровников

Курсант Империи - 14

«Автор»

2026

Коровников Д. Н.

Курсант Империи - 14 / Д. Н. Коровников — «Автор»,
2026 — (Курсант Империи)

Ты молод, богат и беззаботен? Думаешь, мир у твоих ног? Что ж, пришло время расплаты, парень! Родина-мать призывает тебя под ружье. Забудь о девочках, тусовках и папином наследстве. Теперь твой дом казарма, а семья братья по оружию. Империя не спрашивает, она приказывает. И ей плевать, мечтал ли ты стать ее защитником или нет. Так что заткнись, бери штурмовую винтовку, натягивай броню и готовься к бесславной гибели на очередной забытой Богом планете, в окружении таких же недоносков, как ты. P.S. И помни: твоя жизнь теперь принадлежит Российской Империи. И сдохнуть за нее не самый худший из имеющихся вариантов. Такие дела, курсант Васильков...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	18
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Курсант Империи - 14

Глава 1

— Вон она, красавица, — сказал Кнутов, кивая на обзорный экран. — Станция называется «Сто первый километр». Готовимся к стыковке.

Я посмотрел на экран и не сразу понял, где именно там красавица. На фоне чёрного бархата космоса висело сооружение, похожее на гигантскую консервную банку, к которой за долгие годы приварили ещё десяток банок поменьше, пару труб, причальный пирс и антенну, погнутую, судя по всему, ещё при прошлом императоре. Обшивка станции была когда-то белой — теперь она имела благородный цвет старого носка. По бортам мигала реклама: «ЗАПРАВКА»

— Прошу прощения, — раздался за спиной голос Ипполита, который по своему обыкновению подкрался бесшумно. — Осмелюсь дать историческую справку. Название «Сто первый километр» не имеет отношения к фактическому расстоянию. От столичной планеты данная станция удалена на несколько миллионов километров. Само же выражение восходит к земной истории, к государству под названием СССР, где лицам, ограниченным в правах, запрещалось селиться ближе ста километров от крупных городов. Таким образом, «сто первый километр» традиционно обозначает место, куда отправляются те, кому не рады в приличном обществе.

— То есть станция для таких, как мы, — подытожил я.

— Я бы не осмелился формулировать столь прямолинейно, — сказал Ипполит. — Но да.

Кнутов хмыкнул и повёл «Фемиду» к причальному пирсу. Несмотря на общую обшарпанность, недостатка в клиентуре станция, кажется, не испытывала: вдоль пирса теснились корабли всех мастей — пузатые аграрные баржи с налипшей на бортах рыжей пылью чужих полей, побитые жизнью дальнобойные грузовики с гирляндами контейнеров, пара яхт сомнительной биографии и одно судно без опознавательных знаков вовсе, владелец которого, видимо, считал, что скромность украшает. Публика здесь, судя по парковке, собиралась самая разнообразная, и вся она объединялась одним общим качеством: ни у кого не возникало желания задавать друг другу лишние вопросы.

Для нас это было идеально.

Стыковка прошла мягко — Кнутов вёл корабль так, как старый кавалерист ведёт лошадь: без суеты и с лёгким презрением к тем, кто делает это иначе. Зашипели захваты, лязгнул переходник, и «Фемида» прилипла к пирсу станции «Сто первый километр» — место, где нам, ограниченным в правах, были официально рады.

На выходе случилась короткая дискуссия о том, кто остаётся за старшего на корабле. Кандидатура определилась быстро и единогласно.

— Ипполит, — сказал Кнутов.

— Ипполит, — согласился я.

— Ипполит, — подтвердили все остальные хором, причём с такой скоростью, что стало понятно: каждый боялся, что за старшего оставят его, и придётся слушать заумные речи робота в одиночестве.

— Почту за честь, — поклонился Ипполит, и мне показалось, что в его голосе мелькнула обида. — Осмелюсь лишь заметить, что в моё отсутствие общество лишится квалифицированного консультанта по этикету, истории и...

— Именно поэтому ты и остаёшься, — хмыкнул Папа. — Корабль охранять. Это почётно.

— Охрана имущества Министерства обороны, — поддакнул Толик. — Должность государственной важности.

Ипполит выпрямился и принял вид часового у знамени. Иногда мне кажется, что лезть действует на роботов лучше, чем на людей.

Мы вывалились на станцию. Внутри «Сто первый километр» выглядел ровно так, как обещал снаружи: длинная центральная палуба с потолком в разводах от старых протечек, гудящие лампы, половина из которых работала, и запах — фирменный запах всех придорожных станций галактики, смесь машинного масла, жареного лука и чьих-то несбывшихся надежд. Людей, в отличие от кораблей, здесь было немного: видимо, народ на пирсе народ не задерживался, только заправлялся, а дальше растекался по узким коридорам в поисках еды и увеселительных мероприятий.

— Первым делом — топливо, объявил Кнутов тоном человека, у которого на всё есть план. — Заправим «Фемиду» интарием, потом всё остальное.

Тут мне снова пришлось проявить чудеса дипломатии.

Проблема заключалась в простой арифметике. Деньги у нас были — причём целое состояние, десять тысяч рублей. Но лежали они на счету у Папы, а по моей легенде наличные хранились у Крохи. Если бы мы пошли на заправку прямо сейчас, мне пришлось бы на глазах у Кнутова типа доставать деньги из кармана Крохи, в котором не было ничего, кроме самого кармана и крошек от печенья. Развязка с разоблачением, скандалом и разворотом «Фемиды» обратно к Новой Москве-3 представлялась мне до отвращения живо.

— Господин полковник, — сказал я проникновенно. — Вы когда в последний раз ели-то? Кнутов задумался.

— Вчера, — признал он.

— А люди? — Я обвёл рукой личный состав. — Ваши люди тоже не ели со вчерашнего вечера. Сначала за нами гонялась полиция, потом ИСБ, потом мы рванули прочь от планеты. На голодный желудок, господин полковник, даже заправлять корабль опасно — рука дрогнет, цифру не ту наберёшь.

— Васильков...

— Кроха, — тихо скомандовал я.

Кроха повернул к полковнику своё большое честное лицо и посмотрел на него глазами голодного ребёнка-переростка. Это было страшное оружие. В этих глазах стояла вся скорбь человечества. Где-то в недрах его живота, как по заказу, заурчало — звук был такой, словно в трюме «Фемиды» провернулся маневровый двигатель.

Кнутов держался секунд десять.

— Ладно, — сдался он. — Сначала едим. Потом топливо. И без фокусов у меня.

— Какие фокусы, господин полковник, — сказал я честно. — Мы же не в цирке.

Единственное на станции заведение общепита обнаружилось в конце центральной палубы и встретило нас вывеской, от которой повеяло уютом и отсутствием претензий: «ОТ ПУЗА». Буквы были толстые, румяные и сами по себе выглядели сытно. Под вывеской имелась приписка помельче: «Если вы ушли голодным — вы не у нас».

Внутри было именно то, что обещала вывеска. Десятка полтора столов, клеёнчатые скатерти в цветочек, гул голосов, звон посуды. За столами сидела публика: обветренные аграрии с соседних сельскохозяйственных платформ, спорившие о ценах на удобрения; дальнотбойщики, евшие молча и основательно, как люди, для которых обед — это работа; и несколько лиц неопределённой профессии, которые при нашем появлении синхронно повернулись к нам, оценили, сделали выводы и вернулись к своим тарелкам. Профессию их я определять не стал. На «Сто первом километре» это считалось дурным тоном.

Навстречу нам уже плыл хозяин — мужчина настолько толстый, что его передвижение по залу напоминало швартовку аграрной баржи. На лице его сияла улыбка человека, который ещё не знает, сколько мы собираемся потратить, но уже нас любит.

— Гости дорогие! — пророкотал он. — Проходите, садитесь! Кухня работает, всё свежее, всё горячее!

За его спиной материализовались две официантки. Обе были, как бы это сказать, выдающимися женщинами — причём выдающимися в таких направлениях, что Толик споткнулся о ровный пол. Одна из них окинула взглядом нашу компанию, безошибочно вычислила в ней самого солидного мужчину — и подмигнула Папе. Папа сделал вид, что рассматривает потолок. Потолок, надо сказать, того не стоил.

Асклепия, шедшая рядом с Рычковым, издала короткий звук, похожий на писк перегретого датчика.

Кнутов тем временем подошёл к стойке и задал хозяину вопрос, который выдавал в нём человека, наученного горьким опытом:

— Палинка есть?

— Чего? — не понял толстяк.

— Палинка. Фруктовая водка. Магьярская.

— Уважаемый, — хозяин развёл руками, отчего стал похож на распахнувшийся шкаф, — у нас тут не Венгрия, у нас тут нормальное заведение. Водка есть русская, пшеничная, своя, с местной очисткой. Огурчики солёные имеются. Сало. А палинок ваших отродясь не водилось.

— Вот и славно, — с явным облегчением сказал Кнутов и пошёл к столу.

Я его понимал. После того как на «Коложваре» его вместе со всем батальоном усыпили этой самой палинкой, у полковника выработался стойкий условный рефлекс. Некоторые не переносят лактозу, Пётр Александрович не переносил венгерскую фруктовую водку. У каждого свои травмы.

Мы сдвинули два стола у дальней стены — так, чтобы Кнутов сидел лицом к выходу, потому что полковники, даже подобрёвшие, лицом к стене не садятся. Едва мы расселись, Кнутов наклонился ко мне и спросил вполголоса:

— Васильков. Говори честно: сколько у тебя денег? На еду хватит? Главное — на топливо чтобы хватило, интарий нынче не дешёвый.

Я почувствовал прилив вдохновения. В конце концов, на счету у Папы лежало целое состояние, а значит, формально я даже не врал. Я просто творчески распределял правду.

— Господин полковник, — сказал я громко, чтобы слышал весь стол, а заодно и половина зала. — Никто ни в чём себе не отказывает. Заказывайте, что хотите и сколько хотите. При желании я могу купить всю эту станцию. Вместе с содержимым.

Эффект превзошёл ожидания. Хозяин, обладавший, как все рестораторы, абсолютным слухом на подобные фразы, расцвёл, развернулся в нашу сторону всем корпусом и пошёл на сближение с грацией орбитального лайнера.

— Так бы сразу и сказали! — Он ловко выдернул из-под мышки совсем другое меню — толстое, в кожаном переплёте, с золотым тиснением. — Это у нас, так сказать, для своих. Карта деликатесов. Устрицы с Бетельгейзе-семь, мраморная говядина с пастбищ Деметры-3, икра летучих осетров с «Каспия», сыры выдержанные, вина коллекционные — не буду врать, есть бутылочка с самой Земли, настоящая!

Старые привычки умирают тяжело, а мажорские привычки не умирают вообще — они просто ждут удобного момента. Я почувствовал, как во мне просыпается прежний Александр Васильков, гроза столичных ресторанов, человек, чьи чаевые официанты вспоминали потом годами. Я заказывал вдохновенно, по памяти, целыми разделами меню: и устриц, и говядину, и икру, и закуски в ассортименте, и водку для личного состава, и вино для души, и почему-то торт. Торт я заказал дважды — на всякий случай.

— Гулять так гулять! — крикнул Папа.

— Прости, Господи, чревоугодие наше, — вскинул глаза в потолок Капеллан, но от мраморной говядины не отказался.

Официантки начали разносить еду. Стол наполнялся яствами с такой скоростью, словно где-то на кухне прорвало продуктовую магистраль. Та самая официантка, что подмигивала старшему сержанту, обнаружила тенденцию обслуживать именно наш край стола, причём, наклоняясь над Папой, она делала это с такой амплитудой, что Толик дважды промахнулся вилкой мимо собственного рта.

— Вам подложить, мужчина? — ворковала она над Рычковым. — Вы такой основательный, вам надо хорошо питаться.

— Угу, — отвечал Папа, глядя строго в тарелку.

Рядом с ним сидела Асклепия и ухаживала за своим сержантом с методичностью медицинского робота: подкладывала ему салат, наливала морс, поправляла салфетку. С каждым «вам подложить, мужчина?» движения её становились всё более резкими, а глаза разгорались всё более тревожным светом. Салфетку она в итоге поправила так, что чуть не сломала Папе ключицу.

Пока личный состав набрасывался на закуски, я тихо встал и подошёл к стойке, за которой хозяин любовно пересчитывал что-то в кассовом терминале.

— Любезный, — сказал я вполголоса. — Вопрос деликатный. Где тут у вас можно снять наличные?

— А зачем вам наличные? — удивился толстяк. — Я и безнал принимаю. Браслет приложили — и всё, у нас цивилизация, не смотрите, что потолок течёт.

— Я хочу именно снять, — улыбнулся я. — Знаете ли, с детства люблю шуршание купюр.

Хозяин посмотрел на меня внимательно. Что-то он для себя решил, потому что кивнул:

— Терминал-банкомат на станции один. На заправке, на самом причальном пирсе — вы мимо проходили, когда пришвартовались. Старенький, но работает. Других нет, у нас тут не столица.

— Благодарю, — сказал я и вернулся за стол с лёгким сердцем.

План складывался сам собой, изящный, как вальс: сидим, едим, на десерте я с Папой выскальзываю к заправке, Папа снимает наличные, мы платим за интарий, возвращаемся, расплачиваемся в кафе — и Кнутов до конца своих дней пребывает в уверенности, что всё это финансировал дядя Корней. Все счастливы, никто не разоблачён.

Запомните этот момент. Я тогда искренне считал, что предусмотрел всё.

Тем временем наше застолье набирало обороты. Водка с местной очисткой оказалась на удивление приличной, закуски — обильными, и языки развязались сами собой. Толик в лицах изображал утреннюю погоню: как полицейский седан не вписался в поворот, как Филин орал в мегафон, и как мы уходили проходными дворами на грузовике с надписью «Провиант».

— А помните, как господин полковник сказал «держитесь»? — Толик раскраснелся и размахивал вилкой с нанизанным огурцом. — Я думал, всё, отлетелся Анатолий Жгутиков! А он ка-ак заложит вираж! Пётр Александрович, вы где так водить научились? Давайте за это выпьем, а? По-нашему!

И Толик потянулся чокаться к полковнику с видом старого боевого товарища.

Кнутов посмотрел на него. Молча. Одним глазом — тем, который настоящий. Искусственный в это время продолжал смотреть в зал, и от этого взгляд полковника приобретал особенную убедительность.

Вилка Толика с огурцом плавно изменила траекторию и причалила к его собственной тарелке.

— Виноват, — сказал Толик. — Увлёкся.

— Бывает, — снисходительно ответил Кнутов.

Но в целом полковник подобрел. Это было заметно по множеству мелких признаков: он перестал сидеть так, словно проглотил устав, дважды усмехнулся шуткам, а на третьей рюмке вдруг признал, что угон «Фемиды» был проведён «в целом грамотно, хотя и безобразно». В

устах Кнутова это было одновременно выговором и медалью. Личный состав, чутко улавливающий настроение начальства, окончательно расслабился: неожиданно наша Мэри рассказала анекдот, от которого покраснели аграрии за соседним столом, Капеллан пропел что-то духовное, Кроха же методично, как комбайн, убирал всё, что появлялось в радиусе его рук, и на лице его было выражение тихого глубокого счастья.

Захмелели все. Я, признаться, тоже — водка с непривычки на голодный желудок легла хорошо, и мир приобрёл приятную округлость. Именно поэтому, когда Кнутов, отодвинув пустую тарелку, поманил меня пальцем, я не сразу сообразил, что наступает самый ответственный момент операции.

— Васильков, — сказал полковник, понизив голос. — Наелись — пора и честь знать. Иди оплати топливо, пусть начинают заправку, время-то идёт. Деньги у Крохи забери. — Он покосился на великана, перед которым возвышалась баррикада пустых тарелок, и добавил: — И вот что. Возьми с собой не Кроху, а старшего сержанта Рычкова. Кроха пусть доедает, а с Рычковым оно надёжней будет.

Я мысленно расцеловал полковника в обе щеки, включая искусственный глаз. Он сам, лично, своим приказом решил за меня самую сложную часть плана.

— Есть взять Рычкова, — сказал я с горячностью, которую Кнутов, надеюсь, списал на водку.

Громче всех приказу обрадовалась Асклепия. Она в этот момент как раз перехватила очередной взгляд пышногрудой официантки, направленный на её любимого сержанта, взгляд, который без перевода читался как «заходите ещё, мужчина», и потому подскочила со стула, как будто в ней сработала пружина.

— Приказ полковника! — пропищала она, ухватывая недовольного Папу за рукав и извлекая его из-за стола с силой, неожиданной для её изящной комплектации. — Виктор Анатольевич, подъём! Служба!

— Да дай ты хоть компот допить, — ворчал Папа, но был неумолимо отбуксирован к выходу.

Оставалась последняя деталь. Я подошёл к Крохе, наклонился к нему и совершил аккуратное движение рукой возле его кармана — со стороны это выглядело так, будто я забираю у великана нечто ценное. На самом деле я засунул ему в карман эклер, который прихватил с десертной тарелки. Кроха скосил на меня глаза. Я приложил палец к губам. Кроха, надо отдать ему должное, не моргнул и глазом — только карман его едва заметно потяжелел, а в глазах появилось выражение человека, у которого теперь есть стратегический запас.

— Деньги забрал! — отрапортовал я Кнутову через зал, похлопав себя по карману. — Мы быстро. Туда и обратно.

Кнутов кивнул и потянулся за чаем. Мы вышли из кафе — я, Папа и Асклепия, и дверь «От пуза» закрылась за нами, отрезав гул застолья.

На центральной палубе было пусто и гулко. Мы шли к причальному пирсу мимо тёмных витрин закрытых лавок, и я уже предвкушал, как изящно завершится моя комбинация, когда Асклепия открыла огонь.

— Я всё видела, Виктор Анатольевич, — заявила она своим тоненьким голоском, в котором прорезался металл. И не только потому, что она была роботом.

— Чего ты видела? — насторожился Папа.

— Всё! Как она вам подмигивала. Как наклонялась. А вы делали вид, что смотрите в потолок, а сами не в потолок смотрели, у меня угол обзора сто восемьдесят градусов, я всё фиксирую! — Глаза Асклепии полыхали. — И на что позарились-то? На пятый размер молочных желез? Это надо же! Если вы забыли, Виктор Анатольевич, моя комплектация может быть легко изменена, в том числе и размер груди! На любой! Хоть на пятый, хоть на десятый! Нашли, на что обращать внимание!

— Да я ничего такого... — отбивался Папа, отступая по палубе. — Показалось тебе. Я человек служивый, я на полковника смотрел...

— Сто восемьдесят градусов!

— Да говорю же...

— И пульс у вас учащался! Я медицинский робот, я всё вижу!

И тут Папа, в котором плескалась водка и который устал отступать, остановился, набрал воздуха и рыкнул так, что в ближайшей витрине дрогнуло стекло:

— А ну молчать! Кто в доме хозяин?!

Асклепия замолкла на полуслове. Буквально: звук оборвался, как будто ей выдернули шнур.

Повисла тишина, в которой Папа сам, кажется, слегка испугался произведённого эффекта.

Я не удержавшись, расхохотался.

— Ну, Асклепия, — сказал я, утирая глаза, — грозный тебе муж достанется. Строгий. Домострой в чистом виде.

Асклепия прильнула ко мне и, пристав, доверительно шепнула на ухо:

— Александр Иванович, я аж обомлела. Виктор Анатольевич такой грозный... — Её большие глаза засветились розовым. — Я его теперь ещё больше люблю.

Логика роботов-медиков — загадка даже для их создателей.

Папа между тем приосанился, расправил плечи и, почувствовав себя хозяином положения, начал строжиться уже на всех подряд:

— Чего встали? Идём быстрее, расплатимся за интарий — и назад. А то я их знаю: Кроха с Жгутиковым весь десерт сожрут и не поморщатся. Там торт остался. Два торта!

И он зашагал к пирсу походкой человека, у которого в жизни появились цель и торт.

Заправка располагалась прямо на причальном пирсе — несколько огромных, массивных колонок интария, кассовая стойка и единственный сотрудник: робот-заправщик, старый, как сама станция, с табличкой на груди «МЕНЯ ЗОВУТ ГОША». При нашем появлении Гоша ожил, проскрипел сервоприводами и сообщил, что готов к обслуживанию.

В углу, рядом с кассой, действительно стоял банкомат. Похоже, он был ровесником Гоши и выглядел так, словно пережил не одно ограбление, причём не все — успешные для грабителей.

Папа направился напрямиком к кассе.

— Так, — деловито сказал он, заворачивая рукав и обнажая браслет. — Заправь-ка дружок вон тот корабль... «Фемида», полный бак.

— Стоп! — Я успел перехватить его руку с браслетом в последний момент. — Сержант, не торопитесь.

— Это ещё почему?

— Потому что нас ищет Имперская Службы Безопасности, — ответил я, понизив голос, хотя на пирсе, кроме нас и Гоши, не было ни души. — Они могут отслеживать безналичные транзакции. Любой платёж — это след.

Папа посмотрел на меня скептически, как смотрят на молодёжь, начитавшуюся шпионских романов.

— Навряд ли, — сказал он веско. — Счёт у меня военный, от Минобороны. У ИСБ к армейским счетам доступа нет, промеж ведомств такое не положено. Пусть сначала запрос напишут, потом согласуют, а потом им откажут...

— Согласен, — кивнул я. — К вашему счёту, может, и нет доступа. А теперь смотрите, что будет в самой транзакции: оплата заправки интарием. Какого корабля? «Фемиды». С названием и идентификационным номером — Гоша их в чек обязан вписать, так положено. И вот эта запись пойдёт уже не по армейским каналам, а по гражданским. ИСБ вычислит не вас, а

корабль. А по кораблю и координаты нашего местонахождения. И через пару часов в этом секторе будет столько серых мундиров, что... не отобьёмся.

Папа задумался. Видно было, как в нём борются два чувства: недоверие старого служаки к умным разговорам малолетнего мажора и уважение старого служаки к грамотной маскировке.

— Хм, — сказал он наконец. — Складно излагаешь. Ладно. Снимем наличные, заплатим живыми деньгами — и за топливо, и в кафе. Наличка следов не оставляет, это да.

Мы подошли к банкомату. Асклепия пристроилась рядом, с интересом разглядывая древний агрегат — возможно, оценивала его как дальнего родственника.

Папа занёс браслет над считывающим устройством и вдруг остановился. Повернулся ко мне. В глазах его светилась последняя проверка.

— Александр Иванович, — сказал он торжественно, в данном случае обращаясь ко мне по имени отчеству. — Ты это. Не забыл? Про тройной размер?

— Честное благородное слова, — я приложил руку к груди. — Всё, что вы сейчас снимете, вернётся к вам в тройном размере. Читайте, что ваш свадебный фонд уже утроился.

— Свадебный, — повторил Папа, и суровое лицо его на мгновение стало почти мечтательным. Асклепия рядом тихонько пискнула от счастья.

Он приложил браслет к считывателю. Банкомат заскрипел, подумал и осветился экраном.

— Ровно десять тысяч, — приговаривал Папа, тыкая в кнопки толстым пальцем. — Всё, что есть. Гулять так гулять.

Экран мигнул. Банкомат защёлкал внутренностями — солидно, основательно, как машина, которая знает своё дело. Что-то в нём зажужжало, провернулось, звякнуло.

«Операция выполнена», — сообщил экран.

Мы дружно посмотрели на ячейку выдачи наличных.

Ячейка была пуста.

Мы подождали. Банкомат удовлетворённо умолк. Ячейка продолжала быть пустой — идеально, безупречно пустой, как мой банковский счёт.

«Денежные средства выданы, — невозмутимо светилось на экране. — Спасибо, что воспользовались нашими услугами. Хорошего дня!»

Со счёта Папы только что списались все десять тысяч рублей. До последней копейки.

Я стоял с открытым ртом. Папа стоял с открытым ртом. Даже будущая папина жена — Асклепия, скопировав нашим эмоции и мимику, приоткрыла ротовую полость...

Глава 2

Первые секунд десять Папа просто смотрел на пустую ячейку. Молча. Со стороны могло показаться, что старший сержант Рычков медитирует, но я уже достаточно его изучил, чтобы понимать: это не медитация. Это была пауза перед детонацией.

— Деньги, — сказал Папа тихо и почти ласково, обращаясь к банкомату. — Деньги где, падла?

Банкомат светился экраном «Хорошего дня!» и хранил безмятежность машины, которой нечего стыдиться.

И тогда Папа ему вломил.

Не как-нибудь символически, кулаком по корпусу, как бьют торговые автоматы, зажавшие шоколадку. Нет. Папа ударил банкомат так, как бьют врага народа. Древний агрегат загудел всем корпусом, с него осыпалась чешуйка краски, но ячейка так и осталась пустой. Папа саданул ещё раз. Потом схватил банкомат за края и начал трясти.

— Отдай! Деньги! Жулик железный!(Я заменил нецензурные выражения)

— Уважаемый клиент, — проскрипело сзади. — Прошу не подвергать терминал механическим воздействиям. Это снижает его остаточную стоимость.

Робот-заправщик Гоша подлетел к нам со скоростью, которую, видимо, считал спешкой, и сделал удивлённый вид. Я не знал, что роботы его поколения умеют делать удивлённый вид, но Гоша умел: он наклонил голову набок и развёл манипуляторами, став похожим на оранжевого богомола, который впервые слышит о проблеме.

— Какая? Остаточная! — взревел Папа. — Он у меня десять штук сожрал! Всё до копейки! Пусть возвращает, или я его раскручу на запчасти и продам вот по этой самой остаточной стоимости!

— Вероятно, — сказал Гоша после паузы, в течение которой в нём что-то задумчиво жужжало, — в терминале закончились наличные банкноты. Такое случается.

— Что значит — закончились?! — Папа побагровел так, что я на всякий случай прикинул, где у Асклепии аптечка. — Как они могут закончиться?! Кто здесь ответственный?! Где администрация?! Я сейчас разнесу здесь всё к чёртовой матери вместе с твоей заправкой!

Я, признаться, сам всё это время стоял слегка оглушённый. В моей прежней жизни деньги делали много неприятных вещей: заканчивались, замораживались, уходили на фирму «Провиант». Но чтобы банкомат списал сумму со счёта, отчитался об успехе и не выдал ни одной захудалой банкноты — такого со мной не случалось даже в самые яркие периоды биографии. Внутри у меня неприятно похолодело: десять тысяч Папы были не просто деньгами. Это был наш интарий, обед в «От пуза», и вс дорога до системы «Северный Урал», а также лично моя репутация в глазах полковника Кнутова, который сидел сейчас в кафе и пребывал в уверенности, что я плачу за топливо.

— Сотрудники банка, — невозмутимо сообщил нам Гоша, — прибывают на станцию в конце каждой недели. Они производят инкассацию и пополнение терминала банкнотами. Рекомендую обратиться к ним.

— В конце недели? — переспросил Папа страшным голосом. — А сегодня какой день?

— Вторник, — сказал Гоша с лёгким, как мне показалось, удовлетворением.

— У вас что здесь, отделение Центробанка, мать его?! — заорал Папа на всю заправку, и робот-заправщик даже откатился на полметра. — Почему они так быстро кончились?! Раз в неделю! Банкноты! Они! Заправляют!

Я понимал его как никто. Дело было даже не в десяти тысячах как таковых. Дело было в том, что на этих десяти тысячах строилась вся финансовая вселенная старшего сержанта Рычкова: тройное возмещение от меня, и автоматически в связи с этим приобретаемый статус

самого состоятельного человека батальона. А теперь счёт обнулён, и — Папа сформулировал это вслух, загибая пальцы с таким видом, словно каждый палец был лично виноват:

— И ведь даже если банк разбираться начнёт... Они же первым делом спросят: откуда у простого сержанта такие деньжищи? А с них налоги уплачены? Декларация подана? А не желаете ли, гражданин Рычков, написать объяснительную в трёх экземплярах? — Он застонал. — Знаю я их. Заморозят вклад до выяснения, а выяснять будут до моей пенсии. Плакали мои денежки.

— Есть здесь ещё банкоматы? — спросил я у Гоши, цепляясь за последнюю соломинку, и тут же сообразил, что соломинка-то ломаная: даже если бы на станции стояла целая аллея банкоматов, снимать с карты Рычкова было уже нечего.

— Терминал на станции один, — подтвердил Гоша мои худшие ожидания. — Вы имели удовольствие им воспользоваться.

Удовольствие. Я посмотрел на банкомат, который только что съел все наши деньги и пожелал нам хорошего дня, и в голове у меня впервые тоненько звякнул тревожный звоночек. Я тогда не придумал ему значения — и зря. Звоночек был умнее меня.

Потому что смотрите, какая штука. Я не великий специалист по банковской технике, но даже я знаю: терминал, в котором закончились наличные, обязан об этом сообщить. До операции, а не после. Он должен светиться унылой надписью «выдача наличных временно недоступна» и не принимать никаких запросов. Это базовая программа, её зашивают на начальном уровне прошивки. А наш терминал бодро принял запрос, списал деньги, отчитался о выдаче. Так машины не ломаются.

Но это я сейчас такой умный, задним числом. А тогда мысль мелькнула и утонула в более насущной проблеме: деньги были нужны немедленно. В кафе сидел Кнутов с личным составом и доедал второй торт, не подозревая, что платить за банкет нечем. А у пирса стояла «Фемида» с почти пустыми баками.

Я начал думать. Как всегда быстро и почти трезво — испуг замечательно выветривает спиртное.

— Так, — сказал я. — Виктор Анатольевич, слушайте. Деньги нам нужны сейчас, а не в конце недели. Значит, идём к начальнику станции.

— Смысл? — мрачно спросил Папа, прекращая попытки расшатать банкомат.

— Затем, что во-первых, только у него в сейфе может скопиться нужная нам сумма наличными — выручка станции, кассовый резерв, что-нибудь да есть. Во-вторых, это его станция и его бардак. Если у него на пирсе автоматы жрут деньги клиентов, пусть сам потом разбирается с банковскими сотрудниками, когда они прилетят. Схема простая: вы передаёте ему код доступа и номер транзакции, переписываете доверенность на его имя. Мы забираем десять тысяч из его кармана сейчас, а он по доверенности получает их с банка потом. Все в расчёте, никто не в обиде, юридически почти не подкопаешься.

— Почти, — буркнул Папа.

— «Почти» — это лучшее, что у нас на сегодня есть, сержант.

Папа пожевал губами. Видно было, что схема ему не нравится — старый вояка не любил ничего, где встречалось слово «почти». Но альтернативой было вернуться в кафе и доложить полковнику Кнутову, что платить за съеденных устриц нечем, и эта альтернатива не нравилась ему ещё больше.

— Ладно, — решил он и повернулся к Гоше. — Где твой начальник, жестянка?

И тут старый оранжевый заправщик выдал номер, которого я от него не ожидал.

— То, что вы задумали, — проскрипел он, подбирая манипуляторы, — является принуждением должностного лица к финансовой операции. Это незаконно. Я не могу сообщить вам местонахождение директора станции.

Мы с Папой переглянулись. Робот, который пять минут назад невозмутимо наблюдал, как терминал сжирает чужие деньги, внезапно вспомнил о законности. Избирательная это была законность, прямо скажем.

— Ах ты ж, ведро с гайками... — начал Папа, закатывая рукава, но его опередили.

Вперёд выступила его дама сердца.

Я уже говорил, что Асклепия — медицинский робот с тоненьким детским голоском и мечтой о свадьбе? Так вот, забудьте на минуту про голосок. Потому что в эту минуту к Гоше шагнуло существо, у которого только что отняли свадебный фонд. Глаза её горели ровным боевым светом, и двигалась она с мягкостью, от которой мне, человеку, в общем-то, постороннему, захотелось отойти к стеночке.

Асклепия прижала Гошу к заправочной колонке и заговорила — тихо, отчётливо, как заправский контрразведчик на допросе:

— Коллега. Я — медицинская единица, сертифицированная по классу «полная диагностика». Я знаю, где у моделей твоей серии находится блок памяти, блок питания и блок, который ты называешь совестью. До всех трёх я могу добраться за восемь секунд. Без анестезии. Вопрос один: где начальник станции?

В Гоше что-то испуганно зажужжало.

— В целях... — начал он.

— Семь секунд, — сказала Асклепия.

— Директора зовут Викентий Павлович! — скороговоркой выдал Гоша, тыча манипулятором в сторону центрального коридора. — Главный офис-диспетчерская, башня в конце центрального коридора! В это время он должен находиться на рабочем месте! Просьба не сообщать, что информация получена от меня!

— Спасибо за сотрудничество, — нежно пропищала Асклепия и отпустила несчастного робота. — Виктор Анатольевич, Александр Иванович — за мной.

И мы побежали.

Бежать по центральному коридору станции «Сто первый километр» было удобно: он был широкий и почти пустой. Слишком пустой, отметил кто-то внимательный у меня в затылке. Но мне было не до демографии — впереди уже маячила башня диспетчерской, привинченная к станции, как скворечник к старому дереву.

В главном офисе-диспетчерской Викентия Павловича не оказалось. Вместо него за пультом сидел дежурный оператор — парень с цепким взглядом и шеей борца, которая плохо сочеталась с должностью человека, нажимающего кнопки. При нашем появлении он не удивился и не испугался, что само по себе было странно: к нему в диспетчерскую только что ворвались запыхавшийся огромный лысый мужик с лицом цвета борца, пацан и робот-медик серии «флоренс».

— Посторонним сюда нельзя, — сказал он скучным голосом. — Выйдите.

— Где Викентий... как его? — спросил я. — У нас к нему срочное дело.

— Не знаю никакого Викентия. Выйдите, я сказал.

— Как не знаешь? — опешил Папа. — Он твой начальник!

— Не знаю, — повторил оператор и демонстративно отвернулся к пульту.

Тут в Папе что-то щёлкнуло, как в том банкомате, только с противоположным знаком: банкомат брал деньги и не выдавал результата, а Папа теперь был готов выдавать результат, не принимая никаких возражений.

— Да вы что тут, все сговорились?! — взревел он. — Робот не знает! Этот не знает! Банкомат не выдаёт! Станция дефективных, мать их за ногу!

Дальнейшее заняло секунды четыре. Папа пересёк диспетчерскую, взял оператора — а это, напомним, был парень с шеей борца — взял его, как берут мешок с картошкой, за ноги,

распахнул локтем технологическое окно башни и вывесил дежурного наружу. Головой вниз. Над центральным коридором, до палубы которого было этажей пять.

— Вы его уроните, Виктор Анатольевич! — пискнула Асклепия, впрочем, без большого осуждения.

— Не уроню, а скину, — пропыхтел Папа. — Ну, голубчик? Память освежилась?

Память у оператора действительно освежилась стремительно. Вися вниз головой, он выдал такой объём информации, что хватило бы на справочник: Викентий Павлович на рабочем месте в данный момент отсутствует, Викентий Павлович отсутствует и дома, Викентий Павлович — и тут оператор замялся, насколько может мяться человек, висящий из окна, — Викентий Павлович в настоящий момент находится в заведении мадам Лулу. То есть в борделе. Дверь с красным фонарём за вторым складом, налево от центрального коридора.

— Полдень на дворе! — поразился Папа, втягивая оператора обратно. — Совесть у людей есть? Рабочий же день!

Оператор, оказавшись на полу, ничего не ответил. Он смотрел на нас снизу вверх, и в его взгляде не было ни страха, ни обиды — только холодная арифметика, словно он нас пересчитывал и взвешивал. Этот взгляд мне тоже не понравился. Я и его отложил в копилку, к тревожному звоночку. Копилка тяжелела...

Заведение мадам Лулу обнаружилось ровно там, где было обещано: дверь с красным фонарём, а перед дверью — вышибала. Вышибала был большой. Не как Кроха, конечно, — таких, как Кроха, природа выпускает ограниченным тиражом, — но достаточно большой, чтобы загородить собой дверной проём и часть прилегающей стены.

— Закрыто, — сказал он.

— У вас фонарь горит, — заметил я.

— Для своих горит. Вы не свои.

— Нам бы Викентия Павловича, на пару слов.

— Нет тут никаких... — начал вышибала, и это была вторая за десять минут фраза «не знаю никакого Викентия», а у Папы на этот тип фраз уже выработался рефлекс.

Удар я толком даже не разглядел. Просто старший сержант коротко двинул корпусом, что-то хрустнуло — к счастью, не в Папе, — и вышибала аккуратно сложился вдоль стеночки, приняв позу человека, который присел отдохнуть и слегка приуныл.

— Армейская школа, — скромно пояснил Папа, почесав кулак. — Не повторять, работают профессионалы.

Внутри заведения было розово, душно и пахло дешёвыми духами в концентрации, опасной для жизни. Наше появление произвело фурор: девицы завизжали в диапазоне от колоратурного сопрано до сирены воздушной тревоги, кто-то опрокинул графин, кто-то полез под диван. А на диване, в центре всего этого великолепия, обнаружился щуплый человечек в очках и наполовину расстёгнутом форменном кителе с нашивкой «Администрация станции».

Это и был наш начальник станции «Сто первый километр». Я смотрел на него и решительно не понимал, как это существо получило руководящую должность: в нём было килограммов пятьдесят вместе с очками, и половина этого веса приходилась на испуг.

Папа сгрёб его в охапку вместе с кителем.

— Викентий Павлович? — на всякий случай уточнил я.

— Э-э, — сказал Викентий Павлович.

— Очень приятно. Рядовой Васильков. У нас к вам дело на десять тысяч рублей.

Я изложил ему всё коротко и, как мне казалось, доходчиво: терминал, списание, пустая ячейка, инкассация в конце недели, доверенность, сейф. Схема была честная, я даже гордился её юридической стройностью. Викентий Павлович выслушал, болтаясь в папиных руках, и замотал головой:

— Не могу. Не положено. Касса станции — это отчётность, я не имею права... вы не понимаете, я не могу, мне нельзя...

— Это именно ты не понимаешь, балбес, — сказал Папа задушевно и начал его трясти.

Тряс он его, как грушу. Очки Викентия летали вокруг головы на цепочке, девицы по-прежнему визжали, я считал про себя до десяти, чтобы вмешаться на счёте «девять». На счёте «восемь» директор сдался.

— Хорошо! — простонал он. — Хорошо! Я отдам! Идёмте... идёмте в офис... только не трясите, меня укачивает...

Обратно по коридору мы шли процессией: впереди шатающийся Викентий Павлович, за ним Папа, исполненный мрачной решимости, следом Асклепия, бдившая, как конвойный, и замыкающим я. И всю дорогу директор станции что-то бормотал себе под нос. Сначала я думал — ругается, потом прислушался: он молился. Вперемешку с молитвой шло одно и то же, по кругу:

— Они меня убьют... Господи... они же меня убьют...

— Кто — они? — наконец, спросил я.

Директор вздрогнул, оглянулся на меня безумными глазами и не ответил. Только убавил громкость. Звоночек в моём затылке звякнул в третий раз — уже не тоненько, а вполне отчётливо. Сотрудники банка? Налоговая? Мадам Лулу? Кого может бояться до молитвы начальник станции, выдающий деньги под законную доверенность?

В диспетчерской нас встретил всё тот же дежурный оператор. Увидев, что Викентий Павлович собственной персоной ведёт чужаков к своему кабинету, оператор сделал замечательную вещь: он молча поднялся, обогнул нас по широкой дуге и исчез за дверью. Быстро так исчез. Деловито. Человек, на глазах у которого трясут его начальство, обычно либо вступается, либо прячется под пульт. Этот — ушёл куда-то с конкретной целью, как уходят с докладом.

Копилка в моём затылке к этому моменту уже не звякала. Она гудела.

В кабинете Викентий, всхлипывая и поминая всех святых, отпер сейф — солидный, старинный, размером с холодильник. Внутри лежали пачки наличных. Много пачек. Подозрительно много, отметил я, для захудалой станции с одним кафе и банкоматом, заправляемым по пятницам. Директор отсчитал десять тысяч и протянул сержанту с видом человека, отдающего собственную почку.

Наш Папа наконец успокоился. Он взял деньги, уселся на стул и начал их пересчитывать — медленно, обстоятельно, слюнявя палец, потому что Викентию он не доверял ни на грош. При этом Рычков бубнил себе под нос, и в бубнении различалось: «...вот же ж станция... банкоматы у них... Центробанк раз в неделю... доверенность ему ещё пиши... восемь пятьсот, восемь шестьсот...»

Я в это время отошёл к панорамному окну диспетчерской и стал смотреть наружу. Просто так. Чтобы не смотреть, как взрослый сержант слюнявит палец.

И вот тут всё и сложилось.

Из диспетчерской открывался отличный вид на внешний пирс — тот самый, заставленный кораблями, который так успокоил меня при подлёте: раз кораблей много, значит, место бойкое, проверенное. Теперь я смотрел на этот пирс и видел то, чего не разглядел с мостика «Фемиды». Корабли стояли тёмные. Не «экономил энергия», а как мёртвые: ни огней в иллюминаторах, ни ходовой подсветки, ни дежурных маяков — ничего. Из всех бортов жилым светом светилась лишь наша «Фемида» да ещё два-три судна у дальнего конца пирса. Остальные — десятки корпусов — висели у причальных стоек, как туши на крюках. Как будто стояли тут давно, и их некому было забрать.

Я в уме начал считать людей. Всех, кого мы видели за время на станции: посетители кафе, толстяк-хозяин, две официантки, Гоша, оператор, вышибала, девицы, Викентий. Со всеми аграриями и дальнобойщиками — человек семьдесят, ну, восемьдесят. Меньше сотни. На стан-

ции, у которой пирс забит кораблями так, что «Фемиде» едва нашлось место. Где экипажи всех этих судов? Команда даже маленькой баржи — это с десяток человек. Их должны были быть сотни. Но их не набиралось.

А потом я ещё раз вспомнил про банкомат. Терминал, который не имел права работать пустым — и работал. Списал деньги, отчитался о выдаче и пожелал хорошего дня. И в памяти всплыло то, о чём я слышал когда-то в прежней жизни — в новостях и потом ещё раз в клубе, от одного знакомого с сомнительной биографией: типа есть такая мошенническая схема. Банкомат не ломается. Его «правильно» настраивают. Специально, чтобы списывал со счёта и не выдавал наличные, а клиент потом бегал, разбирался, ждал «сотрудников банка в конце недели» — и тратил время. В той схеме бедолаге предлагали за хорошую комиссию решить вопрос возврата. Как был в нашем случае, я не знал, но догадывался, что схема надувательства примерно та же.

Я перевёл взгляд с пирса внутрь станции, вниз, на центральный коридор.

В этот момент по коридору, в направлении башни диспетчерской, быстро и слаженно двигалась группа: с десятков крепких бритоголовых парней. На них были одинаковые куртки с эмблемой службы безопасности станции, но носили они их так, как бандиты носят чужую форму, — небрежно, как нечто, не имеющее к ним отношения. А впереди, указывая дорогу, рысил наш старый знакомый дежурный оператор с шеей борца.

И пазл сложился целиком, до последнего кусочка. Мёртвые корабли у пирса. Пустые коридоры. Банкомат, сжирающий счета. Начальник станции, который молится и шепчет «они меня убьют». Станция «Сто первый километр» — место, куда не долетает закон и где никому не задают вопросов, — была не просто захудалой дырой. Она была ловушкой. Капканом на проезжих. И, судя по всему, все эти тёмные корабли у причальных стоек когда-то привезли сюда пассажиров, которые тоже зашли поесть «от пуза», и также прислоняли свои идентификационные браслеты к считывающему устройству банкомата.

Удачно Кнутов выбрал станцию.

За спиной Папа домурлыкал: «...девять девятьсот, десять. Всё сходится», — и хрустнул пачкой. Асклепия что-то спросила про свадебный бюджет. Внизу бритоголовые уже входили в башню.

— Ну, что ж, давайте поиграем, — усмехнулся я, глядя на приближающихся бандитов...

Глава 3

Дверь диспетчерской распахнулась от удара ноги — с грохотом, от которого Викентий Павлович нырнул под собственный стол с проворством человека, проделывавшего это упражнение не впервые.

В кабинет вошли бритоголовые. Не все десять — внутрь протиснулись семеро, считая старшего, остальные остались в проходе и на лестнице, что я отметил: пути отхода перекрыты.

Впереди шёл старший. Его невозможно было перепутать ни с кем: на полголовы выше остальных, череп выбрит до зеркального блеска и украшен татуировкой в виде паутины, расползающейся от затылка к ушам. Лицо у него было широкое, добродушное и совершенно жуткое — именно из-за добродушия. Так улыбаются люди, которым давно никто не отказывал. Куртка службы безопасности станции сидела на нём, как смокинг на медведе: формально надета, по существу — издевательство.

— Так, — протянул он, оглядывая кабинет: открытый сейф, пачки денег у Папы, меня у окна и торчащие из-под стола ботинки Викентия Павловича. — Интересное кино. Я прихожу, а тут касса нараспашку и незнакомые люди при деньгах. Вы кто такие будете, гости дорогие?

— Туристы. Любуемся достопримечательностями.

— Достопримечательностями, — повторил он и хмыкнул, кивая на сейф. — Вижу.

— Сейф у вас выдающийся, — согласился я. — Старинная работа. Мы как раз обсуждали с Викентием Павловичем его культурную ценность.

Бригадир перевёл взгляд на стол.

— Викеша, — позвал он ласково. — А ну, вылазь. Чего ты туда забился, как мышь за плинтус? Иди сюда, к нам. И объясни-ка дяде Грише, родной, на каком основании ты открыл сейф чужим людям.

Из-под стола донеслось неразборчивое, но категорически отрицательное.

— Викеша. Я два раза повторять не буду.

— Он занят, — вступился я. — У него инвентаризация.

Дядя Гриша посмотрел на меня внимательно. Я выдержал взгляд — это было нетрудно. После банкомата, мёртвого пирса и сложившегося в голове пазла во мне кипела злость такой чистоты и крепости, что её можно было разливать по бутылкам вместо водки с местной очисткой. Эта станция жрала людей, чьи корабли висели сейчас за окном тушами на крюках...

— Слышь, турист. Ты, я смотрю, из всех самый разговорчивый. Это хорошо. Разговорчивые дольше живут. Сейчас вы аккуратно кладёте денежки на стол, извиняетесь и идёте на свой кораблик. Касса станции — не банкомат, из неё ничего забирать нельзя.

— Забавно, что ты вспомнил про банкомат. Ваш банкомат как раз снял с нас десять тысяч. Мы просто восстановили баланс во вселенной.

— Банкомат, — дядя Гриша развёл руками с видом искреннего сочувствия, — техника старая. Сбоит. Бывает. Напиши заявление, сотрудники банка во всём разберутся.

— Сотрудники банка — это вон те ребята у тебя за спиной? Или другая смена?

Улыбка бригадира стала шире, и последнее добродушие из неё испарилось.

— А ты глазастый пацан. Это плохо. Глазастые живут как раз-таки недолго. Ну что, по-хорошему, я так понимаю, не получится?

— Почему же. По-хорошему — это вы сейчас разворачиваетесь, уходите и до конца дня делаете вид, что нас не существует. Мы заправляемся и улетаем. Всем хорошо.

— А деньги, что в руках у этого модроворота.

— Это мои деньги, — отрезал Папа, убрал пачку за пазуху и поднялся со стула.

Здесь надо остановиться и описать расстановку, потому что дальше всё происходило быстро, а хорошая драка заслуживает того, чтобы читатель понимал, кто где стоит. Кабинет

Викентия Павловича был просторный, но захламлённый: посередине стол (под ним — директор), у стены сейф, у другой стены — высокий стеллаж с архивными коробками, между ними — кресла, тумба с графином и я. Папа стоял у сейфа. Асклепия — у двери, куда её оттеснили входящие, и на неё никто не обращал внимания, потому что все видели перед собой хрупкую миловидную девушку-андроида. Это, забегаая вперёд, было их главной тактической ошибкой за вечер. Хотя нет — второй. Первой было прийти вообще.

— Ломайте их, — буднично распорядился дядя Гриша.

И началось.

Первый пошёл на Папу — и это было всё равно что пойти на бетонную стену с претензиями. Надо понимать одну вещь, которую бритоголовые понять не могли: мы прилетели с Новгорода-4, где гравитация вдвое выше стандартной. Когда живёшь при двойной тяжести, твоё тело привыкает считать, что всё на свете весит в два раза больше. А потом ты оказываешься там, где гравитация нормальная, и внезапно выясняется, что мир сделан из картона. Стулья ничего не весят. Двери открываются от щелчка. А люди... люди летают.

Первый полетел. Папа взял его одной рукой за отворот куртки, крикнул от неожиданности — по лицу было видно, что он рассчитывал на сопротивление, а его не оказалось, — и отправил товарища через кресло в угол, где тот сложился среди архивных папок и затих.

— Ишь ты, — с интересом заметил сержант, разглядывая собственную ладонь. — Лёгкие они тут какие.

Второй и третий попёрли на него вдвоём, уже без шапкозакидательства. Папа встретил их по всем правилам армейской школы: нырок под размашистый удар, короткий тычок в солнечное сплетение — второй сел на пол и стал увлечённо дышать, — разворот, блок предплечьем, и третий, получив встречный в челюсть, отъехал к стеллажу, гремя полками. Папа дрался без красоты и без лишних движений, как работают люди, которых учили не побеждать в турнирах, а заканчивать драку быстро, пока противник не понял, что она началась.

На меня пошли двое, и дядя Гриша третьим — неспешно, вразвалку: он явно привык, что основную работу делают подчинённые, а ему остаётся финальный аккорд.

И вот что я вам скажу про злость. Страх замедляет. Злость — если она правильная, выдержанная, настоящая на банкоматах, мёртвых кораблях и наглых улыбках — злость разгоняет. Время послушно растянулось, и вместо рапиры у меня были голые руки и двойная гравитация Новгорода-4 в мышцах.

Первый из моих ударил размашисто, справа. Я видел его кулак так отчётливо, словно тот летел сквозь сироп: успел рассмотреть сбитые костяшки, перстень и наколку на запястье. Я убрал голову — кулак прошёл мимо и увлёк хозяина за собой, — подхватил его движение ладонью под локоть и добавил ускорения. Противник пролетел мимо, врезался в тумбу и вместе с графином ушёл на пол. Графин разбился. Хозяин перстня — судя по звуку, тоже, как минимум частично.

Второй был осторожнее: двигался коротко, по-боксёрски, и пару ударов мне пришлось принять на предплечья. Я поймал паузу между его ударами — пауза была широкая, как ворота ангара, — и ударил сам. Один раз. Боксёр сделал шаг назад, посмотрел на меня с глубокой философской задумчивостью и прилёг возле кресла.

А в это время на заднем плане разворачивался третий фронт, и это был лучший фронт вечера.

Асклепия вела свою собственную войну. Воевать в лоб она не умела и не пыталась. Вместо этого она бегала, пицчала, путалась под ногами и производила хаос в промышленных масштабах.

Одному из нападавших, разгонявшемуся в спину Папе, она элегантно подставила ножку — тот загремел на пол с разгона, проехался лицом по пластиковому покрытию и встретился лбом с сейфом. Сейф победил. А когда из прохода, оценив, что дело у своих не ладится,

вломился ещё один, Асклепия встретила его метательной программой: настольный календарь Викентия Павловича, скоросшиватель, кружка с надписью «Лучшему директору» — подарок, как я понимаю, с большой долей иронии — и цветочный горшок с чахлым стационарным фикусом. Горшок попал. Новоприбывший зашатался, и подоспевший Папа уложил его экономным коротким движением.

— Виктор Анатольевич, слева! — пищала она при этом, вращаясь вокруг драки, как спутник вокруг планеты. — Виктор Анатольевич, у него кастет! Берегите голову, она у вас единственная! Не подставляйте печень, я её только что пролечила!

— Не мешай, женщина! — рычал Папа. — И не лезь под руку!

— Я не мешаю, я ассистирую!

Её пытались ловить — дважды. Оба раза заканчивались одинаково: ловец хватал руками воздух, Асклепия выскальзывала с грацией существа, у которого время реакции измеряется миллисекундами, и убегала, а преследователь либо влетал в мебель, либо подворачивался под папин кулак. Она была не бойцом, а катастрофой с тоненьким голоском, и работала эта катастрофа исключительно на нашей стороне.

Оставался дядя Гриша. Бригадир, повидавший, как его бригада за полторы минуты сложилась в художественную композицию по углам кабинета, перестал улыбаться и пошёл на меня сам — и сразу стало понятно, почему именно он тут старший. Двигался он быстро и грамотно, бил коротко, и первый его удар я скорее угадал, чем увидел. Ушёл. Второй принял вскользь по плечу — плечо онемело даже сквозь новгородскую закалку, и это сказало о противнике больше, чем вся его татуировка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.